

ИСКУССТВО — это умение делать то, что другие не умеют, — так образно определил известный советский актер Сергей Юрский, имея в виду искусство и как сферу деятельности и как степень мастерства человека, достигшего высот в своем деле.

Актерское искусство Николая Жирнова своеобразно и привлекательно серьезным постижением сложностей бытия.

медленное признание этой заслуги. Не понял главного: дело совести не требует награды. Поздно осознал: привилегия у комсомольца одна — быть первым в самом трудном деле. Николай Жирнов играет в спектакле «Город на заре» банкротство человека, понимающего, что он трус, предатель. Его антигерой презирает себя, но не может изменить себе. Актер играет раздвоенность — гиблую, сокрушающую все ил-

гать молодому коллеге. Словом, весь уклад жизни театра учил, шпифовал, пестовал нового актера.

Так случайность оказалась проявлением той самой необходимой закономерности, которая часто поворачивает наши судьбы в единственно верном направлении. Тогда мы говорим: не человек выбрал профессию, но профессия человека.

Потом была служба во флоте, учеба, работа в Магаданском театре. Пришло к актеру признание. Он создал много интересных образов. Начиная репетировать «Ричарда III»...

Более двадцати пяти лет Николай Жирнов, ныне заслуженный артист ЧИАССР, выходит на сцену театра. Играет интересно и сосредоточенно. Но как у всякого творческого человека, живет в его сердце чувство неудовлетворенности, неуспокоенности. Мечтает актер о значительном характере, о герое нашего времени, о человеке сегодняшнем — передовом, но не голубом и благополучном, а сложном и неоднозначном. Вель передовому всегда трудней: он ищет, а значит ошибается; увлекается, а значит мечется. Но мечется не в поисках истины. Нет. Он сам носитель этой истины. И решает он, что такое хорошо и плохо уже не для себя.

Сумел ли осуществить актер эту мечту?

Последние годы он прожил на сцене несколько очень разных судеб. Продолжая в своем творчестве линию «испытание совестью», он ведет исследование жизни, обстоятельств, формирующих личность, и создает характеры полярно противоположные. В спектакле «Волки и овцы» он поведal нам о рождении интересного человеческого типа: Чугунова — плебея и холопа, но по социальному положению, но по духу, способу мышления, нравственному самочувствию. Очень близок к этому классическому персонажу в исполнении актера матерый жулик и пройдоха Пименов («Огарева, б»).

Но главный пафос в творчестве актера составляют люди иной психологии, иных жизненных устремлений. Это старшина Васков в спектакле «А зори здесь тихие». Счастливым соединением драматургии и творческой индивидуальностью актера, созданного, казалось, специально для этой роли, принес ли успех всему спектаклю. Чувствовалося, для актера Васков — не роль, а живой человек, понятный и в мыслях своих, и в поступках, и в сомнениях, и в велькой своей нежности к людям.

И еще одна яркая работа последних лет вспоминается, когда думаешь о гражданской позиции актера: колхозник Егор в спектакле «Долги наши» (пьеса Э. Володарского). Многословный, как будто не очень уверенный в себе, Егор удивительно внутренне цельный. Цельность эта от выстраданной убежденности, что сила любого из нас в его необходимости другим людям. И доброта Егора видится не на слабости и всепрощении, но на мудрой любви к человеку, умении понять его и поддержать в трудную минуту жизни.

И еще одна яркая работа последних лет вспоминается, когда думаешь о гражданской позиции актера: колхозник Егор в спектакле «Долги наши» (пьеса Э. Володарского). Многословный, как будто не очень уверенный в себе, Егор удивительно внутренне цельный. Цельность эта от выстраданной убежденности, что сила любого из нас в его необходимости другим людям. И доброта Егора видится не на слабости и всепрощении, но на мудрой любви к человеку, умении понять его и поддержать в трудную минуту жизни.

И еще одна яркая работа последних лет вспоминается, когда думаешь о гражданской позиции актера: колхозник Егор в спектакле «Долги наши» (пьеса Э. Володарского). Многословный, как будто не очень уверенный в себе, Егор удивительно внутренне цельный. Цельность эта от выстраданной убежденности, что сила любого из нас в его необходимости другим людям. И доброта Егора видится не на слабости и всепрощении, но на мудрой любви к человеку, умении понять его и поддержать в трудную минуту жизни.

И еще одна яркая работа последних лет вспоминается, когда думаешь о гражданской позиции актера: колхозник Егор в спектакле «Долги наши» (пьеса Э. Володарского). Многословный, как будто не очень уверенный в себе, Егор удивительно внутренне цельный. Цельность эта от выстраданной убежденности, что сила любого из нас в его необходимости другим людям. И доброта Егора видится не на слабости и всепрощении, но на мудрой любви к человеку, умении понять его и поддержать в трудную минуту жизни.

И еще одна яркая работа последних лет вспоминается, когда думаешь о гражданской позиции актера: колхозник Егор в спектакле «Долги наши» (пьеса Э. Володарского). Многословный, как будто не очень уверенный в себе, Егор удивительно внутренне цельный. Цельность эта от выстраданной убежденности, что сила любого из нас в его необходимости другим людям. И доброта Егора видится не на слабости и всепрощении, но на мудрой любви к человеку, умении понять его и поддержать в трудную минуту жизни.

И еще одна яркая работа последних лет вспоминается, когда думаешь о гражданской позиции актера: колхозник Егор в спектакле «Долги наши» (пьеса Э. Володарского). Многословный, как будто не очень уверенный в себе, Егор удивительно внутренне цельный. Цельность эта от выстраданной убежденности, что сила любого из нас в его необходимости другим людям. И доброта Егора видится не на слабости и всепрощении, но на мудрой любви к человеку, умении понять его и поддержать в трудную минуту жизни.

И еще одна яркая работа последних лет вспоминается, когда думаешь о гражданской позиции актера: колхозник Егор в спектакле «Долги наши» (пьеса Э. Володарского). Многословный, как будто не очень уверенный в себе, Егор удивительно внутренне цельный. Цельность эта от выстраданной убежденности, что сила любого из нас в его необходимости другим людям. И доброта Егора видится не на слабости и всепрощении, но на мудрой любви к человеку, умении понять его и поддержать в трудную минуту жизни.

И еще одна яркая работа последних лет вспоминается, когда думаешь о гражданской позиции актера: колхозник Егор в спектакле «Долги наши» (пьеса Э. Володарского). Многословный, как будто не очень уверенный в себе, Егор удивительно внутренне цельный. Цельность эта от выстраданной убежденности, что сила любого из нас в его необходимости другим людям. И доброта Егора видится не на слабости и всепрощении, но на мудрой любви к человеку, умении понять его и поддержать в трудную минуту жизни.

И еще одна яркая работа последних лет вспоминается, когда думаешь о гражданской позиции актера: колхозник Егор в спектакле «Долги наши» (пьеса Э. Володарского). Многословный, как будто не очень уверенный в себе, Егор удивительно внутренне цельный. Цельность эта от выстраданной убежденности, что сила любого из нас в его необходимости другим людям. И доброта Егора видится не на слабости и всепрощении, но на мудрой любви к человеку, умении понять его и поддержать в трудную минуту жизни.

И еще одна яркая работа последних лет вспоминается, когда думаешь о гражданской позиции актера: колхозник Егор в спектакле «Долги наши» (пьеса Э. Володарского). Многословный, как будто не очень уверенный в себе, Егор удивительно внутренне цельный. Цельность эта от выстраданной убежденности, что сила любого из нас в его необходимости другим людям. И доброта Егора видится не на слабости и всепрощении, но на мудрой любви к человеку, умении понять его и поддержать в трудную минуту жизни.

И еще одна яркая работа последних лет вспоминается, когда думаешь о гражданской позиции актера: колхозник Егор в спектакле «Долги наши» (пьеса Э. Володарского). Многословный, как будто не очень уверенный в себе, Егор удивительно внутренне цельный. Цельность эта от выстраданной убежденности, что сила любого из нас в его необходимости другим людям. И доброта Егора видится не на слабости и всепрощении, но на мудрой любви к человеку, умении понять его и поддержать в трудную минуту жизни.

АКТЕРЫ И РОЛИ

ДОСТИЖЕНИЕ

ЖИЗНИ

Если бы представить себе вместе всех персонажей, сыгранных на сцене актером, — это было бы чрезвычайно любопытное общество. Более двадцати пяти лет актер ведет рассказ о торжестве Человека в человеке, равнодушно посвящает нас в судьбы и трагедии, помогает увидеть, как порой теряют себя люди, мельчают до ничтожества, взволнованно исследует, почему не сумела состояться человеческая личность.

Разнятся жизненные принципы, жизненные позиции, философия этих очень непохожих друг на друга людей. Кто же они?

Володя Ульянов и контрреволюционер, мелкий враг Советской власти, участник Кронштадтского мятежа матрос Гуща... Мастеровой Гильберт, живущий где-то в Англии времен кровавой королевы Марии Тюдор и Сергей Серегин, наш современник, рабочий парень из пьесы Арбузова «Иркутская история» — люди разных эпох, представлений, но оба с достоинством человека труда. Следователь Каргин и хитрый, изворотливый, изощренный в желани вывернуться преступник из пьесы Ю. Семенова «Огарева, б», внешне спокойный, независимый, деловитый. Офицер Сафонов, солдат Лапоть и дезертир комсомольской стройки Зорин. Иван Рыбаков, Часовников, дед Мефодий. Все эти люди очень разные, даже если и представляют одну эпоху, одно общество, одно время. Объединяет их, поначалу кажется, лишь то, что сыграны они одним актером.

ЖИЗНЬ, как тишина осенью, — подробна. — Этой поэтической формулой отношения к жизни можно объяснить ту зоркую наблюдательность, которую приносит актер в каждый спектакль и с которой приходят на сцену с его появлением правда и жизненная достоверность.

Вспомните рабочего бетонщика Авдонина в спектакле «Мария». Гихий, скромный работник, несколько смешной человек, вроде бы неудачник, попросту говоря, недотеп. Побавляется свою грозную супругу. Но присмотритесь, как по-своему твердо и последовательно идет он по жизни, не сдавая главных, человеческих, гражданских позиций. Этот гражданский пафос и делает масштабными, значительными даже самых тихих, на первый взгляд, незаметных, неглавных героев Николая Жирнова.

Тема совести становится в его творчестве доминирующей. Он поднимает голос в защиту личности красивой, незаурядной, рассказывает с особой радостью о людях гордых своим высоким званием «быть на земле человеком». И не может равнодушно принять мелочность себялюбивой души, жажду похваст и заслуг, суету тщеславия.

Очень точно обнажает актер в мрачном, темном и хамаватом Зорине социальную психологию кулака, шаткость его убеждений. Жизнь — новая, беспоконная поднимала Лешку Зорина на самую гордую высоту. И Лешка «позволил» ей увлечь себя. Но не хватило широты и красоты души, чтобы выстоять в самой трудной и беспощадной борьбе — с самой собой. Зорин поначалу пошел против своей кулацкой семьи, но где-то в уголке души рассчитывал на эффектное и не-

люзии, разрушающую личность.

Сравните Зорина с другим героем актера — с Орцем из спектакля «Я не буду одинок». Актер щедро наделил горца спокойным достоинством, особым сдержанностью. Благородство ведь никогда не было суетным. Такие герои — обычно сосредоточенны (правда, несколько более сумрачны у Жирнова, чем хотелось бы) и производят впечатление немногословных, как бы много текста не было отпущено им автором пьесы. Для таких людей не слово становится самым главным, а то, что ему предшествует: работа мысли, большая душевная работа. И потому, встречаясь с такими персонажами Жирнова, мы видим на сцене не результат, а процесс.

Актер скуп на жесты. Рисунок его роли тоже скромный, вроде бы неэффективный. Но физически ощущается груз, который горе навалилось ему на плечи, гложет его душу.

Все это актер принес на сцену в первой же большой своей роли, сыгранной на сцене нашего театра — роли Сергея в спектакле «Затейник» по пьесе Виктора Розова. Кто видел этот спектакль, наверное, и сейчас помнит внешне опустившего человека — хмурого, безразличного. Но помнят, наверное, и упрямо сжатый рот и, всем бедам вопреки, ясные, светлые, широко раскрытые глаза. Актер играл это наперекор тексту пьесы, убежденный, что за текстом всегда стоит нечто большее, чем только слово, высказанное вслух. Он рассказывал о жизни, которая упрямо не ломалась, не сдавалась. Загнанная глубоко внутрь, запертая на семь запоров от сторонних и любопытных глаз, она побеждала, срамила приспособленчество всех мастей, в том числе и духовное, моральное, выбранное добровольно, как программа собственного личного процветания, и тем более постыдное и унизительное.

КОГДА спрашиваешь у актеров о пути в искусство, чаще всего слышишь: мечтал с детства, привело призвание. Николая Жирнова привел на сцену случай. В 1946 году он приехал в Саратов поступать в военное училище. Не приняли по состоянию здоровья. В Вольске увидел объявление: требуются актеры во вспомогательную труппу театра. Его взяли, но не в актерский состав. Он начинал свою жизнь в искусстве помощником художника.

Репетировали «Грозу» А. Островского. Все незнание в репетиции, как обычно, сидели в последних рядах зрительного зала. Что-то не получалось у актера, игравшего нашего. И тогда раздался голос режиссера: «Жирнов, на сцену».

С этого все началось. Было нелегко. Молодой актер попал в спектакль буквально из деревни. Но все в этом театре было школой для начинающего актера. Война собрала к тому времени в маленьких городках не просто одаренных людей — таланты. На глазах новичка в искусстве творили истинные волшебники. И театр был для них не только мастерской, но храмом, святилищем. Здесь ходили на цыпочках, вслух, громко никто не позволял себе говорить. Старший — по долгу профессиональному и просто человеческому — считал необходимым и естественным помо-

Л. КАЛИТА.